

К.Г. Муратишина, Т.В. Пашкова

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033
«Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России
в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».*

Анализируется позиция Китайской Народной Республики по вопросам ядерного нераспространения и разоружения в контексте принятия рядом государств – членов ООН Договора о запрещении ядерного оружия. Решается задача выявления курса в отношении ДЗЯО и его восприятия Китаем, являющимся одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН и государств – признанных участников международного «ядерного клуба». В качестве источников использованы дипломатические документы, заявления китайских политических деятелей, актуальные материалы СМИ КНР и других стран.

Ключевые слова: Китай; Договор о запрещении ядерного оружия; разоружение; ядерное нераспространение; международная безопасность.

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) – многосторонний документ, разработанный при активном участии международных неправительственных организаций (НПО), выступающих против ядерного оружия, прежде всего Международной кампании по запрещению ядерного оружия (ICAN), а также неядерных государств (НЯОГ), и предписывающий принявшим его условия странам обязательство не иметь ядерных вооружений, не использовать их, не производить, не приобретать, не размещать где-либо, а все имеющиеся запасы ликвидировать и провести «необратимую конверсию» [1]. За принятие договора 7 июля 2017 г. на конференции ООН в Нью-Йорке проголосовали представители 122 государств – членов ООН [2]. Впоследствии 20 сентября он был открыт для подписания на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи [3]. Ведущие страны мира, постоянные члены Совета Безопасности ООН и признанные участники мирового «ядерного клуба» выступили категорически против ДЗЯО, что выглядит абсолютно логично: очевидно, что не обладающие ядерным оружием акторы мировой политики (не только неядерные государства, но и другие заинтересованные стороны – сетевые структуры, наднациональные объединения, военные союзы и даже, в теории, террористические организации) таким образом получают «козырь» для своих попыток изменить действующий миропорядок, баланс сил и статус-кво.

В том числе против ДЗЯО выступила Россия. Как заявил директор Департамента МИД РФ по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями М. Ульянов, «Россия не намерена подписывать и ратифицировать новый Договор» и призывает мировое сообщество «придерживаться в вопросах ядерного разоружения апробированных подходов, выработанных консенсусом в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и подтвердивших на деле свою эффективность». Что касается отказа от ядерных вооружений, то это «долгосрочная цель, движение к которой должно быть поэтапным, и работа в этом направлении должна вестись в условиях укрепления стратегической стабильности и с учетом национальных интересов безопасности всех стран.

Если же говорить о том, как и когда вводить запрет на ядерное оружие, то он станет целесообразным на одной из последних стадий процесса ядерного разоружения, дабы обеспечить необратимость достигнутых результатов». По словам российского дипломата, «отдельные положения ДЗЯО вызывают очень серьезные вопросы», например, право выхода из Договора в уведомительном порядке при наступлении неких «исключительных обстоятельств... ставящих под угрозу высшие интересы страны». Это значит, что содержащиеся в нем запреты носят обратимый характер [4].

Таким образом, ДЗЯО для мирового сообщества становится документом, предлагающим полностью переключить привычные для системы международных отношений понятия о ядерном сдерживании, паритете. Он таит определенную юридическую ловушку, поскольку любая сторона, подписавшая его, может, теоретически, на каком-то этапе отказаться от своих обязательств и получить незаконным путем преимущество над другими участниками процесса. Российскими военными экспертами также отмечалось, что даже сам факт появления такого документа делает взаимоотношения между ядерными и неядерными странами более конфликтными. Гораздо более эффективными мерами по разоружению в настоящее время являются локальные попытки создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), и опыт, например, российско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений на взаимной основе [5]. По оценкам российских специалистов в области ядерного нераспространения, ДЗЯО – это в определенном смысле «протест неядерных стран против ядерных государств ДНЯО», а к консолидации НЯОГ и НПО привело отсутствие консенсуса между членами ДНЯО, расслоение системы ДНЯО [6].

В настоящее время крайне интересным представляется изучение того, какую политику в отношении новой инициативы избрали для себя и ведут мировые лидеры – Россия, США, Китай, Япония, страны ЕС. В данном исследовании будет проанализировано, какую линию в связи с появлением ДЗЯО выбрала для себя Китайская Народная Республика. Дело в том, что в современных условиях отношение к этому докумен-

ту может вывести на более широкие обобщения, являясь в некотором роде индикатором, лакмусовой бумажкой, показывающей основные особенности и направления политики страны в области ядерного нераспространения.

Еще в марте 2017 г., в период подготовки ДЗЯО, МИД КНР выступил с официальным заявлением об отказе страны от подписания договора. Было подчеркнуто, что такое решение принимается после тщательного изучения документов, китайская сторона считает, что достижение целей ядерного разоружения не может быть достигнуто мгновенно, и выступает за сохранение существующих международных механизмов контроля над вооружениями и соблюдение принципа постепенного ядерного разоружения, что «отражает ответственное отношение Китая к поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности» [7]. Газета «Жэньминь жибао», комментируя это решение, написала, что «Китай всегда выступал за полный запрет и уничтожение ядерного оружия и обещал не использовать его первым, а также не угрожать применением ядерного оружия против государств, не обладающих таковым», однако «достижение целей ядерного разоружения не может быть завершено одномоментно и должно осуществляться в соответствии с принципами поддержания глобальной стратегической стабильности и обеспечения безоговорочной безопасности всех стран... Ядерное оружие является чрезвычайно важным сдерживающим фактором. Ни одна страна, обладающая ядерным оружием, не будет запрещать его, если в мире есть другие страны, обладающие им. Это совершенно нормальная позиция и истинное отражение реальности международных отношений» [8].

Как следствие, Китай действительно не подписал договор. Более того, он не стал принимать участия в голосовании по нему в ООН. «South China Morning Post» в связи с этим упомянула о том, что буквально накануне сессии президент США Д. Трамп выступил с угрозами «уничтожить Северную Корею», а кроме Китая из восточноазиатских стран голосование также бойкотировала Япония, «единственная в мире нация, пережившая ядерный удар и давно выступающая за запрет ядерного оружия», но одновременно являющаяся «главной мишенью Северной Кореи» [9]. Таким образом китайское СМИ недвусмысленно указало на неоднозначный международный контекст подписания и в некотором роде оправдало позицию КНР. Представитель КНР в Совете безопасности ООН в своем выступлении по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения заявил, что основами международного режима нераспространения являются ДНЯО и МАГАТЭ, даже не упомянув о ДЗЯО [10]. Казалось бы, позиция высказана и ясна, но, как показывает изучение динамики отношения Пекина к вопросу о ядерном разоружении, поведение КНР, ее курс и оперирование понятиями и нормами в этом вопросе гораздо шире и сложнее.

Обращает на себя внимание гибкость терминологии, которой пользуется китайская сторона, и гибкость самой позиции. Если МИД в своих высказываниях был как будто бы однозначен, то председатель

КНР Си Цзиньпин с трибуны Генассамблеи ООН заявлял практически обратное: «Ядерное оружие должно быть запрещено и в конечном счете полностью ликвидировано для достижения безъядерного мира» [11]. На встречах с военными НОАК китайский лидер, напротив, призывал к «строительству мощных информатизированных стратегических ракетных войск» [12].

Согласно официально обнародованной в 2015 г. «Военной стратегии КНР» «поддержание стратегического сдерживания» и возможность «ответного ядерного удара» остаются одними из важнейших задач НОАК. В ближайшие годы будут усилены возможности «вооружений среднего и дальнего радиуса действия», а также будет проведена всесторонняя информатизация вооруженных сил. Ядерное оружие названо «стратегической основой национального суверенитета и безопасности». Не участвуя в гонке вооружений с другими державами и сохраняя обязательство не применять ядерное оружие первым, Пекин планирует «развивать структуру ядерных сил, улучшать системы оповещения, планирования и контроля, повышать способность ракетных вооружений по преодолению зон ПРО и ПВО» [13]. Однако в документах конференции участников ДНЯО 2015 г. китайская сторона прямым текстом заявляла о необходимости полной ликвидации ядерного оружия, а также о важности глобального управления в ядерной сфере. Кстати, как отмечают российские эксперты в области нераспространения, здесь линия КНР идет принципиально вразрез со всеми остальными ядерными государствами (ЯОГ), потому что Пекин предлагает им взять на себя обязательство по полному запрещению и ликвидации ядерного оружия. Кроме Китая, никто из ЯОГ подобных заявлений не делал [14. С. 73].

По оценке В. Кашина (Институт Дальнего Востока РАН), ядерная стратегия КНР в основном остается неизменной с 1960-х гг., подразумевая обязательное наличие ядерного арсенала, который может быть использован в ответ на ядерную агрессию или ее угрозу. При этом Китай не раз на словах подчеркивал, что не вступает в соперничество с другими ЯОГ, хотя сам в это же время создавал новейшие образцы ядерных и неядерных вооружений [15. С. 109, 120–121]. Кстати, в первую очередь из них можно отметить железнодорожные ядерные комплексы, построенные на основе полученной у Украины советской технологии [16], и мощнейшую и впервые испытанную в 2015 г. ракету DF-41, для производства которой также, по некоторым данным, были использованы полученные у Украины советские технологии [17]. Ранее некоторые технологические решения Пекин получил от США: в 2000 г. Государственный департамент США оштрафовал корпорацию «Локхид-Мартин» на 13 млн долл. за несанкционированный экспорт данных о ракетных технологиях, которые были переданы гонконгской компании «Авиасат», связанной с китайской госкомпанией «Great Wall Industries» [18]. Кстати, ядерную стратегию своего заокеанского партнера-соперника Пекин осуждает и использует в качестве косвенного оправдания наращивания собственных вооружений. Например, в начале 2018 г. китайские дипломаты об-

рушились с резкой критикой на опубликованный Пентагоном «Обзор ядерной политики» [19].

Вооруженные силы Китая в последние годы в целом были реформированы, реструктурированы и двигались по пути всестороннего наращивания боеспособности [20]. Также Пекин постоянно увеличивает свои военные расходы и при этом всячески обосновывает необходимость данной тенденции [21]. Оценки величины ядерного арсенала КНР колеблются от 200 до 3 500 зарядов, хотя сам Китай не дает в своих Белых книгах детальной информации, а точное количество новых видов китайских ракет не может даже приблизительно назвать вообще никто [15. С. 122]. Как отмечает эксперт Российского института стратегических исследований и Дальневосточного федерального университета А. Губин, главная тенденция последних лет в развитии ядерного арсенала КНР – переход к преимущественному использованию мобильных ядерных комплексов. Кроме этого, имеются ракеты с шахтным базированием и заряды на подводных лодках. Последние, кстати, засекречены настолько, что данные о них поступают мировому сообществу только от военных наблюдателей благодаря использованию спутников. Третьим приоритетом является стратегическая авиация [18].

Заявляя о своем неучастии в гонке вооружений, Китай параллельно, как отмечают российские и американские эксперты, ведет «программу ядерной модернизации», а в его военных и правительственных кругах идет дискуссия о возможности перехода к более эффективной ядерной политике, в частности отказу от обязательства не применять ядерное оружие первым [22. С. 216–217]. Одно из крупнейших китайских СМИ, «Global Times» (международное издание газеты «Хуаньцю шибао»), опубликовало 23 декабря 2016 г. редакционную статью «Китай не должен колебаться в вопросах строительства своей ядерной мощи» [23]. Содержание статьи сводилось к сетованию, что Россия и США имеют по семь с лишним тысяч ядерных боеголовок. А как же Китай? – ставила вопрос газета. Далее в статье следовали призывы: «Утверждение, что ядерное оружие не может быть использовано, – это всеобщее заблуждение»; «Китай, находящийся в центре глобальной геополитики», в этих условиях «не должен колебаться или испытывать озабоченность по поводу того, как отреагируют западные страны»; «в вопросах ядерного сдерживания нет места колебаниям».

Ровно через месяц, 23 января 2017 г., часть пожеланий китайского общества, если так можно сказать, была воплощена на практике: в провинции Хэйлуцзян, граничащей с Россией, была размещена вторая на северо-востоке Китая бригада мобильных комплексов МБР «DF-41». Радиус их действия – около 14 000 км, каждый комплекс может нести 10–12 ядерных боеголовок. По оценке «Global Times», высказанной в статье «“Дунфэн-41” принесут Китаю больше уважения», «прислание Пекином первостепенного значения данным комплексам логично, они являются средством стратегического сдерживания»; «вместе с подъемом Китая растут и стратегические риски для него». «Китай, – добавляет газета, – выполняет нелегкую задачу

обеспечения своей национальной безопасности»; «ядерное сдерживание – основа национальной безопасности КНР»; «ядерная мощь Китая должна быть такой, чтобы ни одна страна не посмела начать конфронтацию или открытый конфликт с ним»; «это добавит авторитета Народно-освободительной армии Китая» [24].

На бумаге Пекин призывает к «мирному использованию космического пространства» [25], но при этом успел осуществить уже целую серию (!) испытаний космического оружия, включая различные типы баллистических ракет, т.е., выражаясь простым техническим языком, средств возможной доставки ядерного оружия. При этом китайские власти всякий раз либо называли это «испытанием системы ПРО», либо заявляли, что запуск был нужен для вывода на орбиту некоего исследовательского зонда [26–30].

Китай не ратифицировал гораздо более значимый и в основном поддержанный мировым сообществом Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Кроме него, из ядерных государств ДВЗЯИ не ратифицировали только США. Хотя при этом китайская сторона проводит скорее показательные с глобальной точки зрения акции, такие как церемония проверки и ввода в эксплуатацию четырех испытательных станций ядерного мониторинга в Гуанчжоу и одобрение их деятельности Подготовительным комитетом Организации по ДВЗЯИ [31], а китайская пресса в тематических публикациях подчеркивает, что КНР стала одной из первых стран, подписавших этот договор [8]. Здесь мы практически наблюдаем подмену понятий: да, Китай подписал его одним из первых, но не ратифицировал при этом до сих пор, хотя важна именно ратификация, после которой нормы договора вступают в силу.

Наконец, двойные стандарты китайской политики также проявляются в международных кейсах: в период эскалации напряженности вокруг ядерной программы КНДР в 2017 г. Китай в своих заявлениях призывал северокорейскую сторону «серьезно прислушиваться к требованиям международного сообщества, соблюдать и выполнять резолюции Совета Безопасности и воздерживаться от проведения дальнейших ядерных испытаний» и заявлял о «единодушной позиции международного сообщества в противодействии развитию ядерного потенциала КНДР и в обеспечении международного режима ядерного нераспространения» [32]. Однако при этом Пекином было оговорено, что он «выступает против осуществления односторонних санкций в дополнение к резолюциям Совета Безопасности, в частности, применяемых против физических и юридических лиц» [33]. Кроме того, Китай продолжал покупать у режима Ким Чен Ына за валюту запрещенные, согласно международным санкциям, к экспорту уголь, железную руду и цинк, а также сотрудничать с Пхеньяном в банковской сфере [34], а до этого продавал Северной Корее тяжелые спецшасси, которые затем были использованы в установках для перевозки МБР [35]. Хотя подобное происходило не в первый раз: ранее после решительного заявления Госсовета КНР о необходимости общемирового запрета и уничтожения ядерного оружия, сде-

ланного в 1963 г., в 1964 г. Китай испытал собственную атомную бомбу [36], а в 1980-е гг. оказывал значительную помощь в создании ядерного оружия Пакистану [37. Р. 48].

Если говорить о позиции китайского экспертного сообщества, то она тоже крайне интересна. Так, заявляя, что «Китай разделяет дух договора» и «некоторые основные принципы договора согласуются с политическими целями Китая», представители КНР отмечают проблемные моменты в ДЗЯО и переговорах по нему: неурегулированный вопрос о возможности ответного ядерного удара, контроль транзита ядерных материалов и оборудования Группой ядерных поставщиков и проблемы существования части государств вне договора. Подчеркивается, что из-за абсолютного ограничительного характера ст. 1 и 16 Китай не будет присоединяться или одобрять ДЗЯО в нынешних условиях. Более того, «юридические обязательства» государств-участников могут заставить их принять такие политические меры, которые могут создать трудности для Китая, поэтому пока он придерживается своей линии. Также китайская сторона категорически не согласна с запретом размещения, установки или развертывания любого ядерного оружия на территориях, находящихся под юрисдикцией государства, потому что имеет на вооружении подводные лодки с ядерными ракетами, и этим подводным лодкам «необходимо проводить патрулирование», в том числе «за пределами территориальных вод Китая». Кстати, Конвенция ООН по морскому праву (которую КНР предусмотрительно извлекла на свет только в этой ситуации, но старательно не замечает при морских спорах с соседями) «прямо не запрещает ведение патрулирования в исключительной экономической зоне», а значит, ДЗЯО вступает в противоречие с ней. Однако КНР все равно готова «усилить давление на другие ядерные государства для подписания договора и возможной универсализации» и воспринимает его как «свидетельство международной поддержки своей сдержанной ядерной позиции». «Сотрудничество через призму ДЗЯО соответствует долгосрочным интересам Китая, – резюмируют авторы. – Китай не должен жестко реагировать на ДЗЯО и должен разработать перспективную политику дальнейшего содействия ядерному разоружению, поскольку стремится играть ведущую роль в глобальном управлении». Наконец, совершенно особым образом подается факт неучастия Пекина в голосовании по ДЗЯО: «Китай был единственным из пяти ядерных государств, кто не голосовал против начала переговоров по ДЗЯО на Генеральной Ассамблее ООН» [38].

Далее, китайские специалисты считают, что нынешняя система ядерного нераспространения эффективна и основывается на фундаменте ДНЯО, гарантиях МАГАТЭ и различных механизмах экспортного контроля (например, Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков). Как видим, вопрос о запрете ядерного оружия и институтах для такого запрета не поднимается. Что касается главных рисков для глобальной безопасности, то таковым считается возможность попадания ядерного оружия в руки негосударственных акторов, чьи возможности в последнее время

увеличились. Международному сообществу, по мнению китайских авторов, нужны новые идеи, новый импульс и новый консенсус в области глобального управления ядерной безопасностью. Глобальный механизм управления ядерной безопасностью должен выходить за рамки модели, основанной на власти, и демонстрировать более сбалансированный и демократичный подход к управлению. Глобальное управление ядерной безопасностью должно уделять больше внимания вопросам развития [39]. Также в своих публикациях китайские авторы упирают прежде всего на важность стратегического сдерживания [40], «оборонный», а не «наступательный» характер вооружений [41], отсутствие якобы приведения ядерных сил в полную боевую готовность и «особую ядерную философию Китая», которая заключается в «самоограничении» (поскольку «ядерные силы Китая очень слабы») и является гораздо более дальновидной, чем стратегии других ядерных стран, и нацеленной на «построение более безопасного и процветающего мира» [42].

С подобными публикациями резко контрастирует, например, получившая огромный резонанс в китайском сегменте Интернета и в мировых СМИ вышедшая в 2016 г. на фоне обострения ситуации в Южно-Китайском море заметка профессора Пекинского педагогического университета Цзи Ляньхая, который заявил, что Китай готов к ядерной войне за свои территории, и даже если он потеряет в ней до миллиарда человек, то все равно останется второй по населению страной после Индии, а вот если США потеряют 300 миллионов человек, то для них это будет несоизмеримо [43]. Кроме того, КНР чтит создателей своей ядерной мощи. Например, в 2015 г., параллельно с упоминавшимися заявлениями о приверженности идеям разоружения, председатель КНР и Госсовет торжественно вручили высшую национальную награду в области научных исследований одному из разработчиков китайской водородной бомбы физику Юй Миню. «Китаю нужны крупные научные инициативы, если он хочет поддерживать стабильный и сравнительно высокий рост», – заявил на церемонии премьер Госсовета Ли Кэцян, отметив также «высокий инновационный потенциал» страны и призвав направить еще больше ресурсов на новаторские научно-технические разработки. Особое внимание, сказал премьер, должно уделяться поддержке молодых ученых [44].

О чем всё это говорит? Можно полностью согласиться с мнением П. Золотарева (Центр глобальных военно-экономических проблем Института США и Канады РАН), что в ядерной политике КНР в полной мере проявляется «суть восточной стратегии – стремление к большему влиянию при минимальных затратах, но не за счет уничтожения противника при неизбежных собственных потерях, а за счет ресурса противника, использования его ошибок для обеспечения своего роста». При этом «китайское руководство стремится несколько преуменьшить свои возможности, избегая конфронтации с кем-либо, во имя создания наилучших условий для своего дальнейшего развития». Более того, как считает российский

эксперт, «уязвимость стратегических ракетных войск КНР такова, что они могут быть уничтожены одним ударом обычных средств поражения. Отсюда следующий вывод: ключевое положение ядерной доктрины Китая о неприменении ядерного оружия первыми – не более чем декларация». Хотя, вместе с тем, «переход в войне к применению оружия массового поражения совершенно бессмыслен для КНР. Численность населения Китая – одно из весомых слагаемых его военной мощи, дающее преимущество по отношению к абсолютному большинству стран мира» [45].

Другой известный российский эксперт, дипломат, в 1999–2010 гг. председатель Экспертного совета Центра политических исследований России (ПИР-Центра) Р. Тимербаев отмечает явное и важное противоречие: хотя китайская сторона на переговорах подчеркивает «значение ДНЯО как гаранта международного мира и безопасности», Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний она при этом, как уже упоминалось, не ратифицирует. На обзорных конференциях ДНЯО китайская делегация демонстрирует повышенную активность, но не приводит «каких-либо сведений о предпринимаемых ею шагах по ограничению или сокращению своего ядерного арсенала либо о своих намерениях в этом направлении, как это вытекает из буквы и духа обязательств Китая по ст. VI Договора» [46].

По мнению еще одного ведущего российского специалиста в ядерной сфере, А.Г. Арбатова (ИМЭМО РАН), Китай мог бы пойти на какие-то изменения в своей ядерной политике в сторону ограничения вооружений только в случае, если бы гипотетическим образом исчезли его разногласия с США по ПРО, а Россия и США выполнили бы китайское требование (объективно, кстати, нарушающее суверенитет обеих стран) по отказу от возможности превентивного ядерного удара. «Убедить Китай пойти на ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли, первого шага или минимального вклада в переход к многостороннему разоружению, – считает российский эксперт, – скорее всего, не удастся. В лучшем случае Пекин намерен вести по этому поводу жесткий торг и будет стремиться “продать” каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату контрагентов» [47].

Западными экспертами отмечается, что подходы Китая к вопросам разоружения могут рассматриваться только в конкретном временном контексте в каждом отдельном случае (что говорит о множественности и амбивалентности этих подходов). Кроме того, указывается, что к КНР трудно предъявить претензии по передаче ядерных технологий или продукции двойного назначения, потому что в этой стране, по сути, существуют две параллельные системы экспортного контроля – гражданская и военная, и подобие «серой зоны» между ними [48]. С этим трудно не согласиться: если бы такое централизованное и бюрократическое государство, как Китай, хотело в действительности осуществлять строжайший экспортный контроль продукции, то это было бы сделано, но пока на примере упоминавшейся ситуации с поставками продук-

ции двойного назначения в Северную Корею мы наблюдаем существование упомянутой «серой зоны».

Далее зарубежные специалисты приходят к выводу, что «интегрированная система стратегического сдерживания для Китая – больше, чем просто принцип. Это «концепт», направленный, по сути, вовне, средство демонстрации возможностей НОАК, осуществляемой перманентно даже тогда, когда нет никаких конфликтов, и доносимой до внешнего наблюдателя через парады, учения, испытания разных видов оружия, неофициальные публикации и официальные СМИ. Отчасти современный уровень этой политики связан с ответом на «перебалансировку» США в Азии при Б. Обаме и на усиление Индии. Чем больше видов вооружений развивается, тем больше вариантов могут использовать в планировании внешней политики и политики безопасности китайские стратеги [49]. Больше всего беспокойства у западных экспертов вызывает закрытость китайской ядерной сферы и то, насколько мировое сообщество недооценивает связанные с ней риски, хотя в настоящее время Китай является четвертым в мире по величине ядерного арсенала и имеет все шансы выйти на третье место, оставив позади Францию. То, что Китай не участвует якобы в гонке вооружений, не отменяет необходимости сотрудничества с остальным миром в деле их ограничения, но как раз этого сотрудничества, готовности идти на компромисс и не хватает в отношениях КНР с партнерами. А имеющихся темпов наращивания вооружений уже хватило для того, чтобы спровоцировать локальную ядерную гонку в Азии, а именно развитие ядерных программ Индии и Пакистана. Доверять Китаю как члену ядерного клуба, уверенны аналитики, мировому сообществу нельзя. Что касается участия в разоружении, то в настоящее время КНР в этом процессе реально не участвует и не будет участвовать как минимум до тех пор, пока превосходящим ее потенциалом обладают Россия и США [50].

Наиболее тщательный анализ ядерных сил Китая представлен в работе американского Центра стратегических и международных исследований, вышедшей в 2016 г. На основании данных множества источников подробно рассмотрены все виды ядерных вооружений КНР, особое внимание в том числе уделяется системе шахт и сложных подземных коммуникаций. Вывод – ядерное оружие играет ключевую роль в военной мощи и стратегии КНР на современном этапе. При этом Пекин не предоставляет достаточной информации мировому сообществу для обеспечения прозрачности процесса. Основной акцент Китаем в настоящее время делается на создании разнообразных усовершенствованных средств доставки ядерного оружия. Заявления же о необходимости запрещения и уничтожения ядерного оружия не мешают Пекину заниматься ядерным «распространением» (вновь упоминается о передаче технологий и поставке комплектующих в Пакистан) [51].

Подведем итог. Какую линию в отношении режима ядерного нераспространения в настоящее время ведет КНР, особенно в контексте появления ДЗЯО? По сути, мы наблюдаем двойственность, двойные стандарты. Выступая на словах за запрет и ликвида-

цию ядерного оружия, на деле Китай дистанцировался от ДЗЯО, даже не приняв участия в голосовании по нему. Внутренний курс КНР явно направлен не на разоружение, не на ограничение вооружений, а на их наращивание. С одной стороны, это можно объяснить с точки зрения логики – необходимостью ядерного сдерживания, поддержания баланса сил и т.д. Но с другой, в этом случае не ясно, для чего нужны патетичные заявления о необходимости всеобщего разоружения, запрещения и уничтожения ядерного оружия. Представляется, что смыслом такой вариативности китайской терминологии может быть стремление завоевать популярность в деле борьбы за разоружение в глазах беднейших стран и всех, кто придерживается пацифистских взглядов. Правда, при этом Китай расходится во взглядах со своими коллегами по «ядерному клубу», официально признанными ядерными государствами: с ними, как можно заметить, тоже нет солидарности. Таким образом, становится понятно, почему Китай не голосовал против ДЗЯО, а попросту отказался от участия в голосовании: чтобы обеспечить себе свободу маневра и не вредить формальному имиджу борца за разоружение.

Вариативность китайского восприятия простирается и на другие государства: так, Северная Корея для Пекина выступает то как союзник, с которым продолжается торговля даже на фоне санкций, то, напротив, как «пугало», действиями которого, наравне с действиями США, можно удобно и быстро объяснить уровень рисков в международной среде и резкую смену собственной риторики в отношении запрета ядерного оружия. Мно-

гие эксперты в области ядерного нераспространения сходятся в оценке курса КНР в сфере разоружения как крайне многозначного, но при этом выгодного самому Китаю и очень устойчивого, такого, в котором Пекин показывает постоянную преемственность. Китайская сторона в своих публикациях предпочитает больше высказывать в адрес международного сообщества различные рекомендации, как лучше действовать в сфере ядерного нераспространения и выстраивать глобальное управление ядерной безопасностью, не желая при этом, как в русской поговорке, «на себя оборотиться». Очевидно, что, несмотря на все речи о необходимости разоружения, на реальные уступки, реальное, в отличие от декларативного, «самоограничение» и повышение прозрачности своей ядерной сферы КНР в ближайшее время не готова.

Что же касается ДЗЯО, то этот документ и весь мировой дискурс вокруг него никоим образом не снизят то напряжение, которое в системе мирового ядерного нераспространения создает КНР. В этой ситуации наиболее правильной и логичной видится позиция России, которая продолжает настаивать не на подписании крайне противоречивого ДЗЯО, а на более реальных мерах для повышения уровня глобальной ядерной безопасности – прежде всего, соблюдении всеми странами своих обязательств по ДНЯО, отказе от размещения оружия в космосе, укреплении локального режима уже имеющихся зон, свободных от ядерного оружия, создании новой такой зоны на Ближнем Востоке и всеобщей ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о запрещении ядерного оружия. Полный текст на русском языке // ICAN official website. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
2. UN conference adopts treaty banning nuclear weapons // The United Nations Organisation. Official website. 07.07.2017. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/07/561122-un-conference-adopts-treaty-banning-nuclear-weapons> (дата обращения: 28.02.2018).
3. Sign the nuclear ban treaty // ICAN official website. URL: <http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/> (дата обращения: 15.03.2018).
4. МИД: Москва не станет подписывать Договор о запрещении ядерного оружия // Военное обозрение. 05.10.2017. URL: <https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisyvat-dogovor-o-zapreshenii-yadernogo-oruzhiya.html> (дата обращения: 15.03.2018).
5. Стефанович Д. Договор о запрещении ядерного оружия может расшатать ситуацию в Евразии // Евразия-Эксперт. 22.09.2017. URL: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 170, № 12 (4). С. 100–111.
7. 外交部：中方将不参加即将举行的“禁止核武器条约”谈判 // Жэньминь жибао. 20.03.2017. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0320/c1002-29157046.html> (дата обращения: 20.03.2018).
8. 禁核条约谈判，为何五大国集体缺席？ // Жэньминь жибао. 29.03.2017. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/0329/c1003-29176496.html> (дата обращения: 17.03.2018).
9. New treaty banning nuclear weapons signed at UN but the countries that matter boycott it // South China Morning Post. 20.09.2017. URL: <http://www.scmp.com/news/world/article/2112081/new-treaty-banning-nuclear-weapons-signed-un-countries-matter-boycott-it> (дата обращения: 28.02.2018).
10. Statement by Ambassador Wu Haitao at the Security Council Briefing on Non-proliferation of Weapons of Mass Destruction // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. URL: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1535034.htm> (дата обращения: 17.03.2018).
11. 习近平出席“共商共筑人类命运共同体”高级别会议并发表主旨演讲 // Жэньминь жибао. 20.01.2017. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0120/c1001-29036996.html> (дата обращения: 17.03.2018).
12. О встрече Си Цзиньпина с военнослужащими НОАК // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 07.12.2012.
13. Full text: China's Military Strategy // Ministry of Defence of the People's Republic of China. 26.05.2015. URL: <http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2014.htm> (дата обращения: 22.10.2015).
14. Ядерный мир: новые вызовы режима ядерного нераспространения / под ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 432 с.
15. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106–129.
16. Китай испытал технологию мобильных железнодорожных установок межконтинентальных баллистических ракет // Южный Китай. 22.12.2015. URL: <http://south-insight.com/node/217848> (дата обращения: 16.01.2016).

17. 深度：乌送给中国一份大礼 解放军导弹从此不怕萨德 // Информационный портал «Sina.com». 20.07.2016. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2016-07-20/doc-ixuapvs8916116.shtml> (дата обращения: 20.03.2018).
18. Губин А. Апокалипсис по-китайски: состояние стратегических ядерных сил КНР // Российский совет по международным делам. 22.01.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7153#top-content (дата обращения: 23.01.2016).
19. 中方表示坚决反对 // Жэньминь жибао. 05.02.2018. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0205/c1002-29804924.html> (дата обращения: 14.03.2018).
20. Lin Y. The Implications of China's Military Reforms // The Diplomat. 07.03.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/the-implications-of-chinas-military-reforms/> (дата обращения: 12.09.2016).
21. 两分钟告诉你中国军费花哪儿了 // Гуанчжоу цанькао. 06.03.2017. URL: <http://www.gzcankao.com/news/wx/detail?newsi=44823> (дата обращения: 25.03.2018).
22. Ядерное нераспространение: учеб. пособие / под ред. Л.В. Дериглазовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 464 с.
23. China cannot hesitate on nuclear buildup // Global Times. 23.12.2016. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1025377.shtml> (дата обращения: 25.01.2017).
24. Dongfeng-41 will bring China more respect // Global Times. 23.01.2017. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1030353.shtml> (дата обращения: 25.01.2017).
25. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента РФ. 04.07.2017. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 06.07.2017).
26. Keck Z. China Secretly Tested an Anti-Satellite Missile // The Diplomat. 19.03.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/03/china-secretly-tested-an-anti-satellite-missile/> (дата обращения: 08.08.2014).
27. Rajagopalan R. Will China conduct another anti-satellite (ASAT) test? // Eurasia Review. 16.01.2013. URL: <http://www.eurasiareview.com/16012013-will-china-conduct-another-asat-test-analysis/> (дата обращения: 08.08.2014).
28. China Tests Missile Intercept System // Nuclear Threat Initiative. 28.01.2013. URL: <http://www.nti.org/gsn/article/china-tests-missile-intercept-system/> (дата обращения: 08.08.2014).
29. Китай заподозрили в милитаризации космоса // Новости Mail.ru. 16.05.2013. URL: <http://news.mail.ru/politics/13109494/?frommail=1> (дата обращения: 28.05.2013).
30. China conducts successful land-based missile interception test // Xinhua. 24.07.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/24/c_133507496.htm (дата обращения: 08.08.2014).
31. 中国禁核□□□台站批量通□核□□收 // Жэньминь жибао. 31.01.2018. URL: <http://sn.people.com.cn/n2/2018/0131/c378287-31202439.html> (дата обращения: 08.03.2018).
32. Statement by Ambassador Wu Haitao after Voting on the Security Council Draft Resolution on Non-proliferation / DPRK // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 22.12.2017. URL: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1522931.htm>
33. 第72届□□大会中方立□文件 反□“□臂管□”朝□半□局□ // Жэньминь жибао. 29.09.2017. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0829/c1002-29502437.html> (дата обращения: 10.03.2018).
34. СМИ: КНДР зарабатывает иностранную валюту в обход санкций СБ ООН // Новости Mail.ru. 08.09.2017. URL: <https://news.mail.ru/politics/30936937/?frommail=1> (дата обращения: 08.09.2017).
35. Гонконгский эксперт о ракетной технике // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 02.05.2012.
36. Chinese Government Statement on the Complete Prohibition and Total Destruction of Nuclear Weapons // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18055.shtml (дата обращения: 28.02.2018).
37. Narang V. Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability // International Security. 2010. Vol. 34, No. 3. Pp. 38–78.
38. Zhao T., Wang R. China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty // Tsinghua Carnegie Center. 21.09.2017. URL: <http://carnegietsinghua.org/2017/09/21/china-and-nuclear-weapons-prohibition-treaty-pub-73488> (дата обращения: 28.02.2018).
39. 吴纯思. 全球核安全治理机制: 未来在何方? // Шанхайский институт международных исследований. 26.12.2016. URL: <http://www.siis.org.cn/Research/Info/1425> (дата обращения: 14.02.2018).
40. Li B. China's Potential to Contribute to Multilateral Nuclear Disarmament // Arms Control Today. 2011. URL: http://www.armscontrol.org/act/2011_03/LiBin (дата обращения: 18.06.2014).
41. Yao Y. Chinese Nuclear Policy and the Future of Minimum Deterrence // Perspectives on Sino-American Strategic Nuclear Issues / ed. by C. Twomey. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 111–124.
42. Wu R. Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics. Atlanta : Georgia Institute of Technology, 2011. 36 p.
43. «Ядерное самосожжение»: известный китайский публицист заявил, что Китай готов потерять миллиард населения в будущей войне // Южный Китай. 18.07.2016. URL: <https://www.south-insight.com/node/218339> (дата обращения: 02.10.2016).
44. Награждение разработчика водородной бомбы // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 12.01.2015.
45. Золотарев П. Современная ядерная стратегия Китая // Perspectivy.info. 2007. URL: http://www.perspectivy.info/oikumena/azia/sovremennaja_jadernaja_strategija_kitaja_2009-03-27.htm (дата обращения: 11.02.2015).
46. Тимербаев Р.М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая // Ядерный контроль. 2005. Т. 11, № 4 (78). URL: http://www.perspektivy.info/book/o_jadernom_potenciale_i_jadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm (дата обращения: 11.02.2015).
47. Арбатов А.Г. Перспективы подключения КНР к ограничению ядерных вооружений // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 52–67.
48. Klintworth G. China and arms control: a learning process // Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy / ed. by Y. Zhang, G. Austin. Canberra : ANU Press, 2013. P. 219–249.
49. Chase M., Chan A. China's Evolving Approach to «Integrated Strategic Deterrence». RAND Corporation, 2016. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt1bz3vx1.11> (дата обращения: 21.03.2018).
50. Haynes S. Dragon in the Room. Nuclear Disarmament's Missing Player // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12, № 1. P. 25–47.
51. Cordesman A., Kendall J., Colley S. China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction. Washington : CSIS, 2016. 56 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

The People's Republic of China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 160–168.

DOI: 10.17223/15617793/441/21

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatyana26pash@gmail.ru

Keywords: China; Nuclear Weapons Prohibition Treaty; disarmament; nuclear non-proliferation; international security.

This article discusses the position of the People's Republic of China in the issue of nuclear non-proliferation and disarmament in the context of the introduction of the Nuclear Weapons Prohibition Treaty (NWPT) into the United Nations agenda and its adoption by a large number of countries. Currently, NWPT can be called the most controversial initiative in the disarmament process discussed by the international community. In spite of the disapproval of NWPT by the leading countries (the nuclear states, which are the UN Security Council permanent members, simultaneously being the Nuclear Non-Proliferation Treaty-recognized nuclear powers), NWPT is promoted and advocated by many international actors, including non-nuclear states and non-governmental organizations. The article displays China's course towards NWPT in the entire context of the Chinese nuclear policy. The study is based on a large number of sources, including diplomatic documents, statements of Chinese officials, Chinese and foreign media. The authors conclude that China's policy towards NWPT and nuclear non-proliferation regime on the whole can be characterized as ambivalent. Beijing frequently uses double standards. Its statements in favor of nuclear weapons prohibition and elimination did not prevent it from boycotting NWPT. The internal policy of the Chinese state is aimed at nuclear arms buildup rather than disarmament. The variability of Chinese views can be explained with regard to its motivation to gain popularity among the poorest countries of the world and those who promote pacifist and denuclearization views. At the same time, it is evident that Chinese policy differs from that of the other recognized nuclear states, so it lacks solidarity with them. And the variability of China's position can also be traced in its relations with North Korea, which is regarded both as an ally, with which China continues trade in spite of international sanctions, and as a threat, which Beijing uses in order to characterize the level of risks in the international system and to justify its own change of rhetoric on the issue of nuclear weapons prohibition. A large number of experts in the field of nuclear non-proliferation agree that China's course in this sphere is complicated and ambivalent, but rather stable and primarily beneficial for Beijing. The People's Republic of China, in fact, permanently adheres to this course. Chinese experts in their publications prefer to state various recommendations for the international community about the nuclear non-proliferation policies. But, in spite of Beijing's speeches about the necessity of nuclear disarmament, the PRC will obviously avoid any real compromises and restrictions, as well as any increase in transparency of its nuclear sphere in the nearest perspective.

REFERENCES

1. ICAN. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya. Polnyy tekst na russkom yazyke* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Full text in Russian]. [Online]. Available from: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf>. (Accessed: 15.03.2018).
2. The United Nations Organisation. (2017) *UN conference adopts treaty banning nuclear weapons*. 07 July [Online]. Available from: <https://news.un.org/en/story/2017/07/561122-un-conference-adopts-treaty-banning-nuclear-weapons>. (Accessed: 28.02.2018).
3. ICAN. (2017) *Sign the nuclear ban treaty*. [Online]. Available from: <http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/>. (Accessed: 15.03.2018).
4. Voennoe obozrenie. (2017) *MID: Moskva ne stanet podpisivat' Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [MFA: Moscow will not sign the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. 05 October. [Online]. Available from: <https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisivat-dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya.html>. (Accessed: 15.03.2018).
5. Stefanovich, D. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya mozhет rasshatat' situatsiyu v Evrazii* [The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons may erode the situation in Eurasia]. *Evrasiya-Ekspert*. 22 September. [Online]. Available from: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/>. (Accessed: 15.03.2018).
6. Mikhaylenko, E.B. & Mikhaylenko, V.I. (2017) Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-proliferation Regime? *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. T. 170, № 12 (4). pp. 100–111.
7. People's Daily. (2017) *外交部: 中方将不参加即将举行的禁止核武器条约谈判* 20 March. [Online]. Available from: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0320/c1002-29157046.html>. (Accessed: 20.03.2018).
8. People's Daily. (2017) *禁核条约谈判 为何五大国集体缺席?* 29 March. [Online]. Available from: <http://opinion.people.com.cn/n1/2017/0329/c1003-29176496.html>. (Accessed: 17.03.2018).
9. South China Morning Post. (2017) *New treaty banning nuclear weapons signed at UN but the countries that matter boycott it*. 20 September. [Online]. Available from: <http://www.scmp.com/news/world/article/2112081/new-treaty-banning-nuclear-weapons-signed-un-countries-matter-boycott-it>. (Accessed: 28.02.2018).
10. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. (2018) *Statement by Ambassador Wu Haitao at the Security Council Briefing on Non-proliferation of Weapons of Mass Destruction*. [Online]. Available from: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1535034.htm>. (Accessed: 17.03.2018).
11. People's Daily. (2017) *习近平出席“共商共建人类命运共同体”高级别会议并发表主旨演讲* 20 January. [Online]. Available from: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0120/c1001-29036996.html>. (Accessed: 17.03.2018).
12. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2012) *O vstreche Si Tszin'pina s voennosluzhashchimi NOAK* [About the meeting of Xi Jinping with PLA servicemen]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. 07 December.
13. Ministry of Defence of the People's Republic of China. (2015) *Full text: China's Military Strategy*. 26 May. [Online]. Available from: <http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2014.htm>. (Accessed: 22.10.2015).
14. Mikhaylenko, E.B. (ed.) (2017) *Yadernyy mir: novyye vyzovy rezhima yadernogo nerasprostraneniya* [The nuclear world: new challenges of the nuclear non-proliferation regime]. Yekaterinburg: Ural State University.
15. Kashin, V.B. (2013) Towards Global Military Power: Evolution of Chinese Military Policy in 1949–2014. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 4. pp. 106–129. (In Russian).
16. Yuzhnyy Kitay. (2015) *Kitay ispytal tekhnologiyu mobil'nykh zheleznodorozhnykh ustanovok mezhkontinental'nykh ballisticheskikh raket* [China has tested the technology of mobile railway installations of intercontinental ballistic missiles]. 22 December. [Online]. Available from: <http://south-insight.com/node/217848>. (Accessed: 16.01.2016).
17. Sina.com. (2016) *深度: 乌送台中国一份大礼 解放军导弹从此不怕萨德* 20 July. [Online]. Available from: <http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2016-07-20/doc-ifxupavs8916116.shtml>. (Accessed: 20.03.2018).
18. Gubin, A. (2016) *Apokalipsis po-kitayski: sostoyanie strategicheskikh yadernykh sil KNR* [Apocalypse in Chinese: the state of the strategic nuclear forces of the PRC]. [Online]. Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7153#top-content. (Accessed: 23.01.2016).
19. People's Daily. (2017) *中方表示坚决反对* 05 February. [Online]. Available from: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0205/c1002-29804924.html>. (Accessed: 14.03.2018).
20. Lin, Y. (2016) The Implications of China's Military Reforms. *The Diplomat*. 07 March. [Online]. Available from: <http://thediplomat.com/2016/03/the-implications-of-chinas-military-reforms/>. (Accessed: 12.09.2016).

21. Gzcankao.com. (2017) 两分钟告诉你中国军费花哪儿了. 06 March. [Online]. Available from: <http://www.gzcankao.com/news/wx/detail?newsid=44823>. (Accessed: 25.03.2018).
22. Deriglazova, L.V. (ed.) (2017) *Yadernoe nerastrostranenie* [Nuclear nonproliferation] Tomsk: Tomsk State University.
23. Global Times. (2016) China cannot hesitate on nuclear buildup. *Global Times*. 23 December. [Online]. Available from: <http://www.globaltimes.cn/content/1025377.shtml>. (Accessed: 25.01.2017).
24. Global Times. (2017) Dongfeng-41 will bring China more respect. *Global Times*. 23 January. [Online]. Available from: <http://www.globaltimes.cn/content/1030353.shtml>. (Accessed: 25.01.2017).
25. Official website of the President of the Russian Federation. (2017) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o dal'neyshem uglublenii otnosheniy vseob'emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya* [The joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the further deepening of the relations of a comprehensive partnership and strategic interaction]. 04 July. [Online]. Available from: <http://kremlin.ru/supplement/5218>. (Accessed: 06.07.2017).
26. Keck, Z. (2014) China Secretly Tested an Anti-Satellite Missile. *The Diplomat*. 19 March. [Online]. Available from: <http://thediplomat.com/2014/03/china-secretly-tested-an-anti-satellite-missile/>. (Accessed: 08.08.2014).
27. Rajagopalan, R. (2013) Will China conduct another anti-satellite (ASAT) test? *Eurasia Review*. 16 January. [Online]. Available from: <http://www.eurasiareview.com/16012013-will-china-conduct-another-asat-test-analysis/>. (Accessed: 08.08.2014).
28. Nuclear Threat Initiative. (2013) *China Tests Missile Intercept System*. 28 January. [Online]. Available from: <http://www.nti.org/gsn/article/china-tests-missile-intercept-system/>. (Accessed: 08.08.2014).
29. Novosti Mail.ru. (2013) *Kitay zapodozrili v militarizatsii kosmosa* [China was suspected of militarization of space]. 16 May. [Online]. Available from: <http://news.mail.ru/politics/13109494/?frommail=1>. (Accessed: 28.05.2013)
30. Xinhua. (2014) *China conducts successful land-based missile interception test*. 24 July. [Online]. Available from: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/24/c_133507496.htm. (Accessed: 08.08.2014).
31. People's Daily. (2018) 中国核试验监测台站批量通过核验收. 31 January. [Online]. Available from: <http://sn.people.com.cn/n2/2018/01/31/c378287-31202439.html>. (Accessed: 08.03.2018).
32. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. (2017) *Statement by Ambassador Wu Haitao after Voting on the Security Council Draft Resolution on Non-proliferation*. 22 December. [Online]. Available from: <http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1522931.htm>
33. People's Daily. (2017) 第72届联合国大会中方立场文件 反对“长臂管辖”朝鲜半岛局势. 29 September. [Online]. Available from: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0829/c1002-29502437.html>. (Accessed: 10.03.2018).
34. Novosti Mail.ru. (2017) *SMI: KNDR zarabatyvaet inostrannuyu valyutu v obkhod sanktsiy SB OON* [Mass media: DPRK earns foreign currency bypassing UN Security Council sanctions]. 08 September. [Online]. Available from: <https://news.mail.ru/politics/30936937/?frommail=1>. (Accessed: 08.09.2017).
35. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2012) *Gonkongskiy ekspert o raketnoy tekhnike* [Hong Kong expert on rocket technology]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. 02 May.
36. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (n.d.) *Chinese Government Statement on the Complete Prohibition and Total Destruction of Nuclear Weapons*. [Online]. Available from: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18055.shtml. (Accessed: 28.02.2018).
37. Narang, V. (2010) Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability. *International Security*. 34 (3). pp. 38–78.
38. Zhao, T. & Wang, R. (2017) *China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty*. [Online]. Available from: <http://carnegietsinghua.org/2017/09/21/china-and-nuclear-weapons-prohibition-treaty-pub-73488>. (Accessed: 28.02.2018).
39. Shanghai Institute of International Studies. (2016) 吴纯思 全球核安全治理机制: 未来在何方?. [Online]. Available from: <http://www.siiis.org.cn/Research/Info/1425>. (Accessed: 14.02.2018).
40. Li, B. (2011) *China's Potential to Contribute to Multilateral Nuclear Disarmament*. [Online]. Available from: http://www.armscontrol.org/act/2011_03/LiBin. (Accessed: 18.06.2014).
41. Yao, Y. (2008) *Chinese Nuclear Policy and the Future of Minimum Deterrence*. In: Twomey, C. (ed.) *Perspectives on Sino-American Strategic Nuclear Issues*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
42. Wu, R. (2011) *Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics*. Atlanta: Georgia Institute of Technology.
43. Yuzhnyy Kitay. (2016) “Yadernoe samosozhzhenie”: izvestnyy kitayskiy publitsist zayavil, chto Kitay gotov poteryat' milliard naseleniya v budushchey voyne [“Nuclear self-immolation”: a well-known Chinese publicist stated that China is ready to lose a billion people in a future war]. 18.07.2016. [Online]. Available from: <https://www.south-insight.com/node/218339>. (Accessed: 02.10.2016).
44. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2015) *Nagrazhdenie razrabotchika vodorodnoy bomby* [Awarding the developer of the hydrogen bomb]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. 12 January.
45. Zolotarev, P. (2007) *Sovremennaya yadernaya strategiya Kitaya* [Modern nuclear strategy of China]. [Online]. Available from: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/sovremennaja_yadernaya_strategiya_kitaja_2009-03-27.htm. (Accessed: 11.02.2015).
46. Timerbaev, R.M. (2005) *O yadernom potentsiale i yadernoy politike Kitaya* [On the nuclear potential and the nuclear policy of China]. *Yadernyy kontrol'*. 11:4 (78). [Online]. Available from: http://www.perspektivy.info/book/o_yadernom_potenciale_i_yadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm. (Accessed: 11.02.2015).
47. Arbatov, A.G. (2012) *Perspektivy podklyucheniya KNR k ogranicheniyu yadernykh vooruzheniy* [Prospects for China's involvement in the limitation of nuclear weapons]. In: Arbatov, A.G. et al. (eds) *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzheniy* [Prospects for China's participation in the limitation of nuclear weapons]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, RAS.
48. Klintworth, G. (2013) *China and arms control: a learning process*. In: Zhang, Y. & Austin, G. (eds) *Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy*. Canberra: ANU Press.
49. Chase, M. & Chan, A. (2016) *China's Evolving Approach to “Integrated Strategic Deterrence”*. RAND Corporation. [Online]. Available from: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt1bz3vx1.11>. (Accessed: 21.03.2018).
50. Haynes, S. (2018) *Dragon in the Room. Nuclear Disarmament's Missing Player*. *Strategic Studies Quarterly*. 12 (1). pp. 25–47.
51. Cordesman, A., Kendall, J. & Colley, S. (2016) *China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction*. Washington: CSIS.

Received: 18 April 2018